

Н.С. Жукова

**Системный статус форм ирреалиса в современном немецком языке
и особенности их темпоральной семантики**

В современных отечественных и зарубежных теоретических и практических грамматиках отмечается, что формы претерита конъюнктива и кондиционалиса I выражают настоящее и будущее, а формы плюсквамперфекта конъюнктива и кондиционалиса II – прошедшее. Ср. в этой связи: «...Präteritum und Konditionalis I können Gegenwart, Zukunft oder Gleichzeitigkeit bezeichnen. Plusquamperfekt und Konditionalis II können Vergangenheit oder Vorzeitigkeit bezeichnen» [Schendels, 1988, S. 8]. Аналогично у В.Г. Адмони: «Wenn man das Allerwesentlichste im Zeitgebrauch der Konjunktivformen bestimmen will, so kann man sagen, dass es bei absoluter Verwendung des Konjunktivs zwei Zeitsphären gibt: die gegenwärtig-zukünftige Sphäre, die vom Präsens, Präteritum und Konditional I ausgedrückt wird, und die Sphäre der Vergangenheit, die im Plusquamperfekt und Konditional II ihren Ausdruck findet [Admoni, 1986, S. 203].

Вопрос о том, каким образом данные формы выражают многообразную темпоральную семантику, которая в системе индикатива на уровне морфологии выражена разветвленной системой абсолютных и относительных временных форм, в теории грамматики не рассматривается. Цель данной статьи – определить статус ирреальных форм конъюнктива в системе современного немецкого языка и вскрыть механизм конкретизации темпоральных парадигматических значений форм ирреалиса, показав особенности их взаимодействия с единицами других языковых уровней: лексическим и синтаксическим.

Автор статьи разделяет концепцию наклонений Л.С. Ермолаевой. Подход к проблеме модальности и, соответственно, к категории наклонения в германских языках с позиций историзма позволил ей убедительно показать, что традиционная точка зрения, согласно которой в современном немецком языке в основе категории наклонения лежит трехчленная оппозиция: индикатив/конъюнктив/императив [Admoni, 1986; Jung, 1980; Schendels, 1988; Schmidt, 1965 и др.], не соответствует реальным языковым фактам [Ермолаева, 1987]. В древневерхненемецкий период категория наклонения действительно была трехчленной: индикатив/оптатив/императив, и в ее основе лежало противопоставление „действительность/недействительность». Развитие конъюнктива (ирреалиса, по терминологии Л.С. Ермолаевой) и параллельное становление класса модальных глаголов и модальных слов приводит к перестройке системы наклонения, в результате которой основой категории наклонения становится противопоставление „реальность / нереальность». Значение реальности Л.С. Ермолаева понимает широко: «реальными представляются действия, не только осуществившиеся или осуществляющиеся в определенный отрезок времени, но и действия, реальность осуществления которых возможна, желательна, необходима ...» [Ермолаева, 1987, с. 70]. Тогда категория наклонения в современном немецком языке представлена двумя самостоятельными наклонениями: реалисом / ирреалисом. Реалис объединяет по признаку модальности реальности индикатив, императив, комментатив (по тради-

ционной терминологии – конъюнктив косвенной речи), а ирреалис (по традиционной терминологии – претериальный конъюнктив или конъюнктив II) состоит из форм претерита и кондиционалиса I, плюсквамперфекта и кондиционалиса II [Там же, с. 79].

Традиционно претерит ирреалис и кондиционалиса I, плюсквамперфект ирреалис и кондиционалиса II трактуются как синонимы, при этом речь идет не о синтагматической (контекстуальной) синонимии, возникающей в результате транспозиции одного из членов оппозиции в область употребления своего противочлена¹, а о системной (парадигматической) синонимии, точнее, о возможности синонимичных отношений между членами парадигмы, манифестирующими определенную морфологическую категорию. Ответ на вопрос о статусе отношений между претеритом ирреалиса и кондиционалисом I и, соответственно, между плюсквамперфектом ирреалиса и кондиционалисом II связан с решением одной из наиболее спорных проблем – проблемы разграничения синонимии и вариантности.

В лингвистической литературе системные грамматические синонимы определяют как разные, но однородные грамматические формы (структуры), совпадающие в своем основном грамматическом значении и различающиеся дополнительными грамматическими значениями и объемом значений [Шендельс, 1959, с. 81]. Традиционно в качестве примеров такой синонимии приводят перфект и претерит индикатива современного немецкого языка [Moskalskaja, 1983; Шендельс, 1959; Ярцева, 1957; Хлебникова, 1971], а также ирреальный конъюнктив (ирреалис²) и кондиционалиса [Шендельс, 1970; Moskalskaja, 1983]. Ср. в этой связи определение Х. Гаугера, в соответствии с которым синонимы – это слова, имеющие почти одно и то же значение, но различные сферы употребления «Die Synonyme sind Wörter, die zwar dieselbe Bedeutung haben, aber verschieden gebraucht werden.» [Gauger, 1972, S. 12]. Для синонимичных отношений, по его мнению, наряду с одинаковой семантикой характерно и некоторое отличие значений. Ср.: «Synonimität ist ein besonderes Verhältnis. Dieses Verhältnis ist einerseits durch Ähnlichkeit, andererseits durch Verschiedenheit der Bedeutungen gekennzeichnet» [Gauger, 1972, S. 12]. Претеритальные формы ирреалиса и кондиционалиса современного немецкого языка не имеют различий в значении и взаимозаменяемы во всех сферах употребления.

Следует однако, подчеркнуть, что в начале XX в. велась борьба против словосочетаний с «würde». Ср.: «... Anfang unseres Jahrhunderts wurde ein Kampf gegen “würde” geführt. Man sprach sich gegen seine Verwendung im Absichtssatz, im Wunschsatz, im Einräumungs- und im Vergleichssatz und auch im Nebensatz der Bedingung aus». [Meier, 1985, S. 65].

Сегодня ситуация иная. Так, например, В. Юнг отмечает, что употребление словосочетаний с «würde» в условных предложениях больше не является неко рректным. Ср.: «Die starre Schulregel, dass im Konditionalsatz die Umschreibung falsch und unberechtigt sei, gilt aber nicht mehr» [Jung, 1971, S. 247]. Х. Глинц также пишет о том, что формы кондиционалиса в живом языке не воспринимаются больше как ошибочные. [Glinz, 1961, S. 341]. В.Г. Адмони подчеркивает тенденцию в системе современного немецкого языка к замене форм конъюнктива формами кондиционалиса. Ср.: «In der neuesten Zeit macht sich die Tendenz geltend, den Konjunktiv durch den Konditional zu ersetzen» [Admoni, 1986, S. 205].

В грамматиках современного немецкого языка отечественных и зарубежных лингвистов обычно перечисляются виды предложений, ограничивающие дистри-

¹ О контекстуальной синонимии см. [Шендельс, 1970].

² Термин Л.С. Ермолаевой [Ермолаева, 1977]. Аналогично у Р. Айзенберга. Ср. «Irrealis» [Eisenberg, 1984, S. 182].

буцию кондиционалиса. Уже сам факт, что ограничения эти не совпадают у разных авторов, подтверждает положение о вариативности названных форм и свидетельствуют о проникновении кондиционалиса во все новые сферы употребления. Показательны в этом плане данные, которые приводит в своей статье „Zur Verwendung von „würde“ in der deutschen Sprache der GegenwartX. Майер. Ограничения в употреблении кондиционалиса, которые имели место в начале нашего столетия, для современного немецкого языка уже не актуальны. Анализ текстов, проведенный Х. Майером, показывает все возрастающее употребление кондиционалиса вместо форм ирреального конъюнктива в современном немецком языке, что соответствует развитию аналитического строя языка (« ...entspricht der Entwicklung zum analytischen Sprachbau» [Meier, 1985, S. 65]).

Ср. в этой связи выводы, к которым приходит автор названной статьи «Die Untersuchungsergebnisse deuten an, dass der Gebrauch von „würde“ in der Zukunft zunehmen wird, besonders im Hinblick auf den Ersatz des Konjunktivs II der schwachen Verben. Verzichtet wird gewiss auch in der Zukunft auf altertümliche Konjunktiv II-Formen. Der zunehmende Gebrauch von „würde“ dürfte als ein sprachökonomisches Mittel zur Moduskennzeichnung angesehen werden» [Meier, 1985, S. 69]. Аналогичные выводы делает в своей работе и П. Браун «...dass der würde-Konjunktiv in der deutschen Gegenwartssprache sehr stark zunimmt» [Braun, 1987, S. 98].

Если в период вхождения в парадигму глагола формы кондиционалиса не дублировали соответствующих флективных форм, то в современном немецком языке парадигматическое значение кондиционалиса тождественно парадигматическому значению ирреалиса. Развитие первоначальной привативной оппозиции между ними пошло в направлении снятия. Исследуя исторические предпосылки, условия и возможные причины возникновения кондиционалиса, Л.С. Ермолаева приходит к выводу, что формы кондиционалиса и ирреалиса являются в системе современного немецкого языка вариантами [Ермолаева, 1977].

Представляется, что трактовать отношения между претеритом ирреалиса и кондиционалисом I как синонимичные неправомерно, точно также, как и в принципе констатировать в глагольной парадигме языка синонимию. Ведь «собственно-грамматические категории конституируются объединением и взаимным противопоставлением различных грамматических форм, соотносящихся по одному признаку – значению данной категории» [Смирницкий, 1955, с. 47]. Другими словами, сам принцип выделения грамматической категории исключает возможность существования в рамках одной категории как омонимичных, так и синонимичных отношений, так как исключает и полное различие – условие выделения омонимии (ведь формы **объединены общим грамматическим значением** соответствующей категории), и тождество значений соответствующих форм – условие выделения синонимии (они **противопоставлены** в рамках этого общего грамматического значения).

Таким образом, отношения между формами претеритального конъюнктива и кондиционалиса (иначе синтетического и аналитического ирреалиса) в системе современного немецкого языка отвечают тем критериям, которые выдвигаются в лингвистической литературе для разграничения отношений вариантности и синонимии. Ср. «критерием вариантности является равнозначность сосуществующих форм, свободное варьирование их в пределах одной эпохи и одного стиля. Именно это создает демаркационную линию между вариантностью и синонимией» [Москальская, 1969, с. 57].

Как было показано выше, мнение лингвистов относительно статуса отношений между формами синтетического и аналитического ирреалиса, как и выдвигае-

мые ими критерии разграничения синонимов и вариантов очень противоречивы¹. Представляется, что и споры эти, и сама проблема разграничения синонимии и вариантности вызваны традиционно сложившейся в лингвистике последовательностью этапов грамматического (в данном случае морфологического) анализа, когда за исходный его этап принимается анализ оппозитивных отношений между словоформами². Ср. в этой связи схему фонологического анализа, предложенную Б.В. Касевичем [Касевич, 1983]. В соответствии с теорией Л.В. Щербы, отправным пунктом лингвистического анализа является текст. «Задача лингвиста состоит в том, чтобы описать язык по данным текста» [Щерба, 1974, с. 26]. Результат этот достигается при использовании процедуры отождествления по отношению к элементам и связям текста. «Отождествляются те элементы текста, которые обнаруживают определенную общность с точки зрения выполняемых ими функций, а эти функции, в конечном счете, сводятся к обеспечению выражения и восприятия смысла» [Касевич, 1983, с. 8]. Оппозитивный анализ имеет место только после процедуры идентификации формальных вариантов. Таким образом, сам вопрос о статусе отношений между формами типа *habe* и *würde kommen* (формами синтетического и аналитического ирреалиса) просто не возникает. На основе общности выполняемой ими функции они отождествляются как варианты. Такой подход еще раз подтверждает правомерность интерпретации отношений между указанными формами как вариантных.

Пример вариантности синтетического и аналитического ирреалиса опровергает также точку зрения на морфологические варианты системных парадигматических форм как на периферийные формы в системе языка. Ср. «... они стоят на периферии системы, так как ... не обладают собственным категориальным инвариантом, не входят в противопоставления данной микросистемы, они дистрибутивно ограничены...» [Ермолаева, 1977, с. 127]. В системе современного немецкого языка формы кондиционалиса противопоставляются формам индикатива точно также, как и претеритальные формы конъюнктива, и отвечают критерию грамматической системности, выдвигаемому Л.К. Граудиной при определении грамматических вариантов [Граудина, 1970, с. 8].

Представляется, что «периферийность» не является обязательной чертой вариантов, а зависит от их продуктивности. В рассматриваемой паре вариантов формы аналитического ирреалиса являются продуктивными, так как новый аналитический способ выражения значения ирреальности соответствует общим тенденциям и направлению развития грамматической системы современного немецкого языка. Показательно, что продуктивный вариант имеет и ряд коммуникативных преимуществ. Ср. в этой связи указанную выше статью Х. Майера.

Конкретный языковой материал современного немецкого языка показывает несостоятельность положения, встречающегося в лингвистической литературе, согласно которому варианты могут иметь только отдельные формы в парадигме, а не весь парадигматический ряд. В данном случае наблюдается смена в системе современного немецкого языка способа выражения грамматического значения ирреальности (имеет место анализ на уровне морфологии³). Ср. в этой связи положение о том, что может наблюдаться наложение нескольких моделей в одном парадигматическом ряду (следствием этого нередко является значительная парадигматическая вариативность и скрещение различных уровней – фонемного и

---

¹ Ср., например, положение о том, что взаимозаменяемость не является обязательным критерием вариантности (Граудина, 1970, с. 8) с критерием разграничения синонимии и вариантности, предложенным О.И. Москальской.

² Аналогично, при фонологическом анализе.

³ О разграничении анализа на уровне морфологии и аналитизма на уровне синтаксиса см. [Солнцева, 1965].

морфемного, морфемного и синтагматического, синтагматического и лексического) [Макаев, 1962, с. 50]. Морфологизация сочетания «werden + инфинитив» (становление аналитической конструкции) как раз связано с изменением его уровня статуса (переход на уровень морфологии) и с изменением лексического статуса глагола «werden», т.е. в конечном счете, имеет место взаимодействие (перекрещивание – по терминологии Э.А. Макаева) лексического, синтаксического и морфологического уровней.

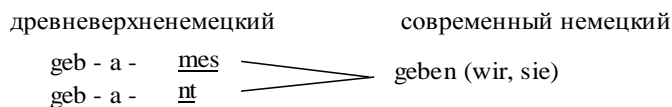
Изменение в способе формального выражения соответствующего категориального значения не может сразу привести к исчезновению старого способа выражения. Будучи средством общения, язык должен постоянно выполнять свою основную функцию, поэтому стадия варьирования и постепенная замена конкурирующих способов выражения соответствующих значений (которая происходит значительно дольше жизни одного поколения) является необходимым и естественным состоянием языковой системы как объективно существующей и развивающейся реальности; так как язык изменяется, оставаясь самим собой.

Неразграничение синонимичных и вариативных отношений, а также интерпретация синтетического и аналитического ирреалиса в современном немецком языке как синонимичных форм «затемняет» те изменения, которые произошли и происходят в его системе¹. Системная избыточность² (в системе языка сосуществует несколько единиц для выражения того же самого значения) или вариативность в современном немецком языке является типологически отмеченной. Она отражает произошедшие в соответствии с общими аналитическими тенденциями развития всей языковой системы изменения на морфологическом уровне, поэтому ее выделение важно и для внутриуровневой (морфологической) типологической характеристики языка, и для создания его цельносистемного типологического описания.

Формы ирреалиса в современном немецком языке являются синкретичными. «Синкретичная форма в морфологии есть укрупненная грамма. Как таковая она воспринимается на фоне дискретизма – различения соответствующих однородных грамм в другой части морфологической системы соответствующего языка в соответствующий период его развития» [Ермолаева, 1987, с. 21]. Синкретизм форм ирреалиса носит особый характер по сравнению, например, с синкретизмом форм лица и числа. Так, синкретичная форма не-второго лица мн. числа индикатива (wir, sie) geben существует на фоне дискретизма форм 1-го и 3-го лица ед. числа:

и представляет собой укрупненную грамму, которая в процессе развития языка обобщила значение 1-го и 3-го лица. Ср.:

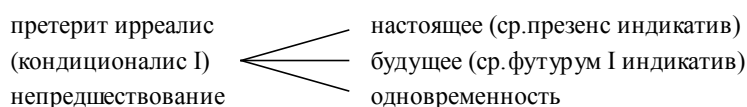
¹ Ср. в этой связи положение о том, что вариативность возникает на переходных этапах в слабых звеньях перестраивающейся системы языка [Горбачевич, 1978]

² О системной избыточности и ее видах, отражающих типологические изменения в системе современного немецкого языка см. [Жукова, 1985].

Синкретизм форм ирреалиса является исконным. Они возникли уже как синкретичные на фоне дискретизма форм индикатива, так как ко времени их появления система немецкого языка обладала развитыми синтаксическими и лексическими средствами, комбинируясь с которыми формы ирреалиса могли передавать разнообразные темпоральные значения, выраженные в системе индикатива специальными временными формами глагола.

Формы ирреалиса (претеритальные формы конъюнктива) дают общую временную ориентацию глагольного действия, относя его к сфере либо непредшествования, либо предшествования. Конкретизация этих общих значений происходит при функционировании синкретичных форм ирреалиса на соответствующем лексико-синтаксическом фоне.

Претерит ирреалиса (кондиционалис I) выражает в системе языка недифференцированно настоящее, будущее и одновременность. Ср.:

т.е. парадигматическое значение синкретичной формы непрошедшего ирреалиса (претерита конъюнктива и кондиционалис I) – непредшествование. Его семантическими вариантами являются значения будущего, настоящего и одновременности, которые соответствуют парадигматическим значениям временных форм индикатива реалиса: презенсу, претериту и футуруму I. Ср.:

Ирреалис

Реалис

Будущее

Aber ich wusste, dass jeder Zentimeter, den ich jetzt nachgab, ein Meter **werden würde**, wenn ich einmal wirklich in Gefahr **wäre**. (E. Remarque)

Wir **sind** (настоящее) mitten auf der Durststrecke und müssen hindurch, und wir **werden** es **schaffen** (будущее), wenn wir den Hebel beim Menschen ansetzen, bei jedem einzelnen.

(D. Noll)

Настоящее

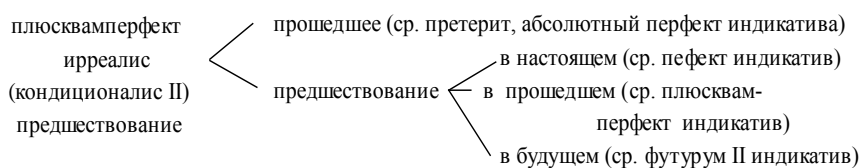
Wenn Boskow wüßte, was Boskow nicht **weiß**, dann **wäre** nicht nur stummer Vorwurf in seinen Augen. (D. Noll)

Одновременность

Ich tat, als **wäre** es ein Witz. (E. Remarque)

Man **lachte** und **atmete** rasch, während man in den Hallenden Wald **hineinritt**. (Th. Mann)

Формы плюсквамперфекта ирреалиса и кондиционалис II также являются синкретичными и в системе языка недифференцированно выражают предшествование. Ср.:

При функционировании в речи данных форм возможно возникновение следующих семантических вариантов указанного категориального значения: прошедшее, предшествование в настоящем, прошедшем и будущем. В реалесе (индикативе) семантическим вариантам синкретичной формы предшествования по своему временному значению соответствуют претерит, перфект, плюсквамперфект, футурум II. Ср.:

Реалис

Прошедшее

Der König von Frankreich **saß** in seinem Pelzrock verkrochen und schrieb. (H. Mann)
In Wahrheit **hat** er noch keinen einzigen Sack **zugebunden**. (H. Mann)

Ирреалис

Goldnes kühles Herbstlicht lag über dem Land, das man **hätte** friedlich nennen **können**. (A. Seghers)

Предшествование в настоящем

Die Anlage benötigt mehr an Energie, als unser ganzes Werk bisher **gebraucht hat**. (D. Nöll)

Es ist still, als ob man einen Stöpsel in ein Spundloch **gesteckt hätte**, aus dem die Musik wie Wasser rann. (E. Strittmatter)

Предшествование в прошедшем

«Nachdem ich dich **gesehen hatte**», fährt Kippenberg fort, hab ich mir den Maßanzug meines Lebens machen lassen. (D. Nöll)

Der Kleine steckte seinen Kopf herein, **sah** sich **um**, als **hätte** er was **liegen lassen**. (A. Seghers)

Предшествование в будущем

Aber eines Tages, wenn er so an innerer Leuchtkraft **gewonnen haben wird**, dass die Menschen schon geblendet sind, wenn sie ihn nur anschauen, dann kommt vielleicht ein gewisser Fräulein von Rendsburg und sagt ... (E. Strittmatter)

Es **wird** so **aussehen**, als ob man seinen Worten nicht **geglaubt hätte**. (I. Noll)

Как показывают приведенные примеры, степень разветвленности семантического варьирования (количество вариантов) инвариантного значения синкретичной формы ирреалиса может быть различной и зависит от того, значения скольких граммем совмещаются в укрупненной граммеме, т.е. в синкретичной форме. Пределы ее семантического варьирования определяются обобщенным значением данной формы, так же как и пространство для варьирующего содержания (значения). Из анализа примеров художественной литературы следует, что претерит ирреалиса (кондиционалис I) и плюсквамперфект ирреалиса (кондиционалис II) при функционировании в речи могут выражать как абсолютные, так и относительные значения. Ср.:

Настоящее

Von mir aus **könnte** er lieber **heute** als morgen abkratzen (I. Noll).
Mit einem Flugzeug **würden** wir **in heutiger Nacht ankommen** (E.M. Remarque).
Wenn ich nur jetzt sofort zu Hermann **könnte**, dachte Franz wieder. (A. Seghers).

Будущее

... ich stellte mir vor, dass Jaffe... **morgen** oder **in den nächsten Tagen anrufen würde...** (E.M. Remarque).

Die Straßen **würden** sich **bald entleeren...** (A. Seghers).

Und Ihre Elli **könnte** ja **dann** sofort auf Verlassen klagen (A. Seghers).

Прошедшее

Hätten Sie mich in meiner Ruhe **gelassen**, meine Schöne, so **hätten** Sie mehr **gewonnen** (G. Keller).

Vielleicht **wäre** es besser **gewesen**, wenn ich in gestriger Nacht nicht zu Pat **gegangen wäre** (E.M. Remarque).

Wenn du damals nicht so in diesem Franz vernarrt **gewesen wärst** (A. Seghers).

Для выражения абсолютных временных значений настоящего или будущего форма непрошедшего ирреалиса взаимодействует с соответствующими временными наречиями или же ее временное значение конкретизируется соответствующим темпоральным фоном соседних предложений,

презентным:

«Es **ist** ein Hut, bei dem die Pariser Schneider vor Neid **erblichen würde**» (E. Remarque),

Ich **kenne** wahrhaftig nichts auf der Welt, worüber ich erschrecken **könnte** (A. Seghers),

Es **gibt** kein Städtchen, das jetzt nicht seinen Witzbold **hätte** (P. Scarron),

или футуральным:

«Im Idealfall **würde** sich das ganze Land vom 24. bis 26. Dezember in eine einzige riesige Schneekugel **verwandeln**, in der Land und Stadt nett **werden**» (M. Gorski),

«Schließlich **werden** wir dort **wohnen**, und Levin **würde** irgendwann eine Praxis **eröffnen**» (I. Noll).

Стоящая без обстоятельства времени форма ирреалиса (в отличие от форм индикатива) не дает конкретного представления о том, к какой временной сфере относится действие. Например, „Wenn ichügklich wäre!“ Форма ирреалиса в данном примере выражает непредшествование. Обстоятельство времени конкретизирует синкретичное значение ирреалиса и создает темпоральную семантику настоящего или будущего для всего предложения. Анализ примеров показал, что обстоятельство времени в анализируемых конструкциях выполняет одну и ту же функцию, конкретизируя временное значение формы глагола. При их замене (dann, später, bald, heute, jetzt и т.д.) значение настоящего или будущего не меняется, так как различия между темпоральными наречиями не касаются их основного временного значения, ведь на уровне глубинной структуры все анализируемые обстоятельства времени имеют одно и то же семантическое значение настоящего или будущего. По мнению Ю.Д. Апресяна, такой факт является условием существования синонимических отношений между единицами языка. Ср.: «Для признания двух слов А и В синонимами необходимо и достаточно, чтобы они переводились в одно и то же значение семантического языка» [Апресян, 1969, с. 79]. Анализируемые обстоятельства времени являются квазисинонимами [Апресян, 1995, с. 218], так как различия между ними в данных конструкциях нейтрализуются, и они не отличаются друг от друга по своему временному значению.

Ср. в связи с вышеизложенным положение В.Г. Адмони о синтаксической форме. «Непосредственно синтаксической формой, хотя и связанной с лексико-морфологическим характером слова, является свойственная определенным разрядам и формам слов способность закономерно сочетаться с другими словами определенных разрядов и форм, образуя с ними синтаксически в большей или меньшей степени завершённые конструкции» [Адмони, 1973, с. 6]. Тогда конструкцию

«Р (форма ирреалиса) + обстоятельство времени» можно рассматривать как синтаксическую форму.

Одним из требований при выделении словоизменительной парадигмы является ее облигаторность. Как отмечает О.И. Москальская, условием определения парадигмы предложения является сохранение единых принципов выделения парадигмы на уровне морфологии и синтаксиса [Москальская, 1981, с. 99]. Использование указанных выше принципов выделения морфологических категорий в синтаксисе предполагает, что синтаксическая парадигма может быть установлена только в случае облигаторности синтаксических средств выражения соответствующих значений. Рассматриваемая синтаксическая конструкция ирреалиса с обстоятельством времени, выраженным лексическими единицами, является обязательной для выражения абсолютных временных значений в сфере ирреальности. Противопоставление данных конструкций со значением настоящего / будущего образует синтаксическую парадигму категории времени, так как не только морфологическая, но и «...устойчивая синтаксическая парадигма также может служить средством выражения обобщенного грамматического значения» [Ярцева, 1975, с. 5]. Все это дает возможность заключить, что в системе современного немецкого языка существует синтаксическая категория времени с абсолютным значением.

Функционируя в составе структуры придаточного предложения ирреального сравнения, форма претерита ирреалиса выражает одновременность, а форма плюсквамперфекта – предшествование. Временная форма индикатива главного предложения, выраженная глаголом с неполной предикацией¹ [Гулыга, 1971, с. 116], конкретизирует значение одновременности:

– до одновременности в настоящем, если стоит в презенце:

«Er **sieht** mich **an**, **als hätte** ich nicht alle Tassen im Schrank» (I. Noll),

«Ich **habe das Gefühl**, **als ob** der Cadillac statt Benzin Kognak im Tank **hätte**» (E. Remarque),

– до одновременности в будущем, если стоит в футуруме I или является футуральным презенсом:

«...entweder er sagt es erst morgen und **tut dann** so, **als wäre** es die letzte Neuigkeit» (I. Noll),

«Die Idioten wollen mich umbringen, **wird er denken**, sie **wollen** mich **ruinieren**, **als ob** ich nicht genug andere Zorres am Hals **hätte**...» (I. Noll),

– до одновременности в прошедшем, если стоит в претеритуме:

«Sie **lächelte**, und mir **schien**, **als ob** alles in der Welt heller **würde**» (E. Remarque),

«Sie zog die Schultern ein, **setzte sich** schräg, **als säße** nicht ihr Mann am Tischende...» (A. Seghers).

Аналогично, сказуемое главного предложения конкретизирует значение предшествования:

– до предшествования в настоящем, если стоит в презенце:

«Sie **tanzen**, **als ob** sie schon oft miteinander **getanzt hätten**» (E. Remarque),

«Man kann Levins Verhalten so **bewerten**, **als ob** er ein Bordell **besucht hätte**» (I. Noll),

– до предшествования в прошедшем, если стоит в претеритуме:

«Sie **machte ein Gesicht**, **als hätte** sie Essig **getrunken**» (E. Remarque),

«Ich **fühlte mich**, **als ob** ich mich in einem Hottentotten **verwandelt hätte**» (E. Remarque),

– до предшествования в будущем, если стоит в футуруме I:

«Und seine Stimme **wird** wieder **klingen**, **als wäre** sie ganz erfüllt von Glück»

---

¹ По своему содержанию эти глаголы требуют обязательного раскрытия [Гулыга, 1971, с. 29].

(E. Remarque),

«Dann **wirst** du **trauen**, **als ob** du das alle so einfach **hättest** haben **können**»

(A. Seghers).

Для выражения значений одновременности и предшествования функционирование форм ирреалиса в соответствующей синтаксической структуре является обязательным. Временные формы индикатива глаголов с неполной предикацией главного предложения конкретизируют значение одновременности или предшествования и тем самым втягиваются в синтаксическую конструкцию «глагол с неполной предикацией + придаточное ирреального сравнения с союзами *als, als ob, als wenn, wie wenn* + соответствующая форма ирреалиса», которая является неразложимой. При разложении ее на составные части исчезает относительное значение одновременности или предшествования. При выражении данных значений анализируемая конструкция выступает как синтаксическое единство. Такие конструкции могут рассматриваться как синтаксическая форма, так как они манифестируются средствами синтаксической связи, а именно, союзами и порядком слов. Ср. в этой связи положение В.Г. Адмони о синтаксической форме «В качестве средств синтаксической связи используются ... служебные слова, например, предлоги, союзы. Важной формой выражения синтаксических связей, и притом непосредственно синтаксической формой, является порядок слов» [Адмони, 1973, с. 8].

Существование данной синтаксической формы для выражения относительных временных значений позволяет ставить вопрос о наличии в системе современного языка синтаксической категории времени с относительным значением, так как есть все условия для выделения данной категории:

– обобщенное относительное временное значение (отношение между действиями, выраженными в главном и придаточном предложениях);

– противопоставление в рамках этого обобщенного значения «одновременность/предшествование»;

– соответствующие синтаксические формы для выражения этих значений.

Ср.:

для выражения одновременности

глагол в индикативе + придат. ирреального сравнения + претерит ирреалис

(*als, als ob, als wenn, wie wenn*) (кондиционалис I)

для выражения предшествования

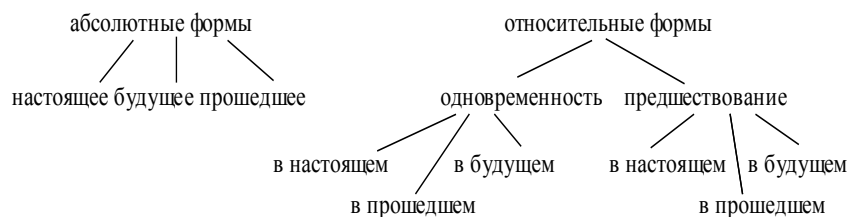
глагол в индикативе + придат. ирреального сравнения + плюсквамперфект

(*als, als ob, als wenn, wie wenn*) (кондиционалис II),

что свидетельствует о существовании в системе современного немецкого языка синтаксической категории времени с относительным значением.

В рамках значения одновременности существует трехчленная оппозиция: одновременность в настоящем / одновременность в будущем / одновременность в прошедшем. В рамках значения предшествования также существует трехчленная оппозиция: предшествование в настоящем / предшествование в будущем / предшествование в прошедшем.

Синтаксическая категория времени в отличие от морфологической (предшествование/непредшествование) имеет разветвленную парадигму и подобно морфологическим формам индикатива имеет синтаксические формы с абсолютным и относительным временным значением. Ср.:

Литература

- Адмони В.Г. Синтаксис современного немецкого языка. Л., 1973.
- Апресян Ю.Д. Синонимия и синонимы // Вопросы языкознания. 1969. № 4.
- Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1995.
- Горбачевич К.С. Вариантность слов и языковая норма: на материале современного русского языка. Л., 1978.
- Граудина Л.К. О грамматических вариантах // Русский язык в начальной школе. 1970. № 3.
- Гулыга Е.В. Теория сложноподчиненного предложения в современном немецком языке. М., 1971.
- Ермолаева Л.С. Типология развития системы наклонений // Историко-типологическая морфология германских языков. Категория глагола. М., 1977. С. 212-290.
- Ермолаева Л.С. Очерки по сопоставительной грамматике германских языков. М., 1987.
- Жукова Н.С. «Системная» избыточность как один из показателей состояния грамматических категорий // Сопоставительный анализ лингвистических категорий. Томск, 1985.
- Касевич В.Б. Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М., 1983.
- Макаев Э.А. Понятие давления системы и иерархия языковых единиц // Вопросы языкознания. 1962. № 5.
- Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса. М., 1981.
- Москальская О.И. Вариантность и дифференциация в лексике литературного немецкого языка // Норма и социальная дифференциация языка. М., 1969.
- Смирницкий А.И. Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955.
- Солнцева Н.В., Солнцев В.М. Анализ и аналитизм // Аналитические конструкции в языках различных типов. М.; Л., 1965.
- Шендельс Е.И. Понятие грамматической синонимии // Доклады высшей школы. Филологические науки. 1959.
- Щерба Л.В. Языковая система и речевая деятельность. Л., 1974.
- Ярцева В.Н. Иерархия грамматических категорий и типологическая характеристика языка // Типология грамматических категорий. М., 1975.
- Gauger H.M. Zum Problem der Synonymie. Tübingen, 1972.
- Braun P. Tendenzen in der deutschen Gegenwartssprache, Stuttgart, 1987.
- Admoni W.G. Der deutsche Sprachbau. Moskau, 1986.
- Glinz H. Die innere Form des Deutschen. Bern, 1952.
- Jung W. Grammatik der deutschen Sprache. Leipzig, 1980.
- Eisenberg P. Grundriss der deutschen Grammatik. Stuttgart –Weimar, 1994.
- Meier H. Zur Verwendung von „würde« in der deutschen Sprache der Gegenwart //

Sprachpflege. 1985. № 5.

Moskalskaja O. Grammatik der deutschen Gegenwartssprache. Moskau, 1983.

Schendels E. Deutsche Grammatik. Moskau, 1988.

Schmidt W. Grundfragen der deutschen Grammatik. Eine Einführung in die funktionale Sprachlehre. Berlin, 1965.

Список источников

Gorski M. Gebrauchsanweisung für Deutschland. H. München, 1966.

Mann H. Die Jugend des Königs Henri Quarte. Berlin und Weimar, 1979.

Mann Th. Buddenbrooks. Berlin, 1983.

Noll D. Kippenberg. Berlin und Weimar, 1979.

Noll I. Die Apothekerin. Diogenes Verlag AG. Zürich, 1974.

Remarque E.M. Drei Kameraden. Aufbau Verlag Berlin, 1958.

Remarque E.M. Im Westen nichts Neues. Aufbau Verlag Berlin, 1957.

Scarron P. Die Komödianten. Philipp Reclam Stuttgart, 1983.

Segers A. Das siebte Kreuz. Aufbau Verlag Berlin, 1957.

Strittmatter E. Schnulzenhofer Kramkalendar. Aufbau Verlag Berlin, 1967.